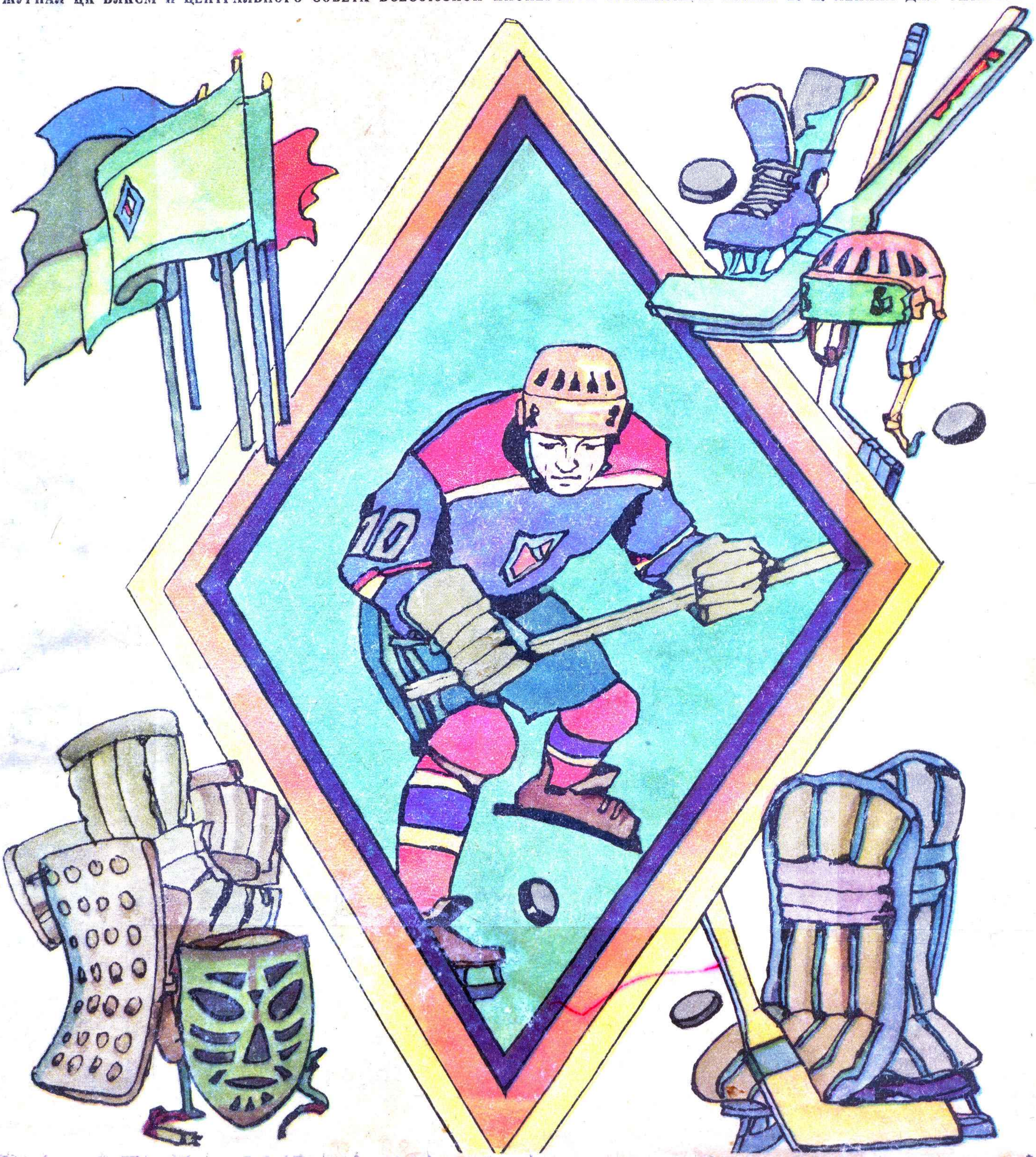
Мурзилка

ФЕВРАЛЬ
№ 2
1977

ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ И ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА ВСЕСОЮЗНОЙ ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА ДЛЯ ОКТЯБРЯТ

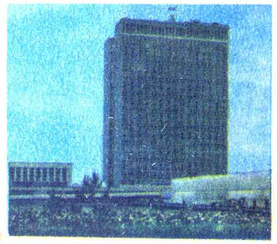


Мурзилка

№ 2
ФЕВРАЛЬ
1977

В НОМЕРЕ:

Подарки бывают разные. И всё-таки Лёля получила самый замечательный. Читайте рассказ Аллы Овчинниковой.



Хочешь побывать в городе будущего — открывай страницу 10.

УРА!
Бамбук
для самой лёгкой лодки
в мире найден!

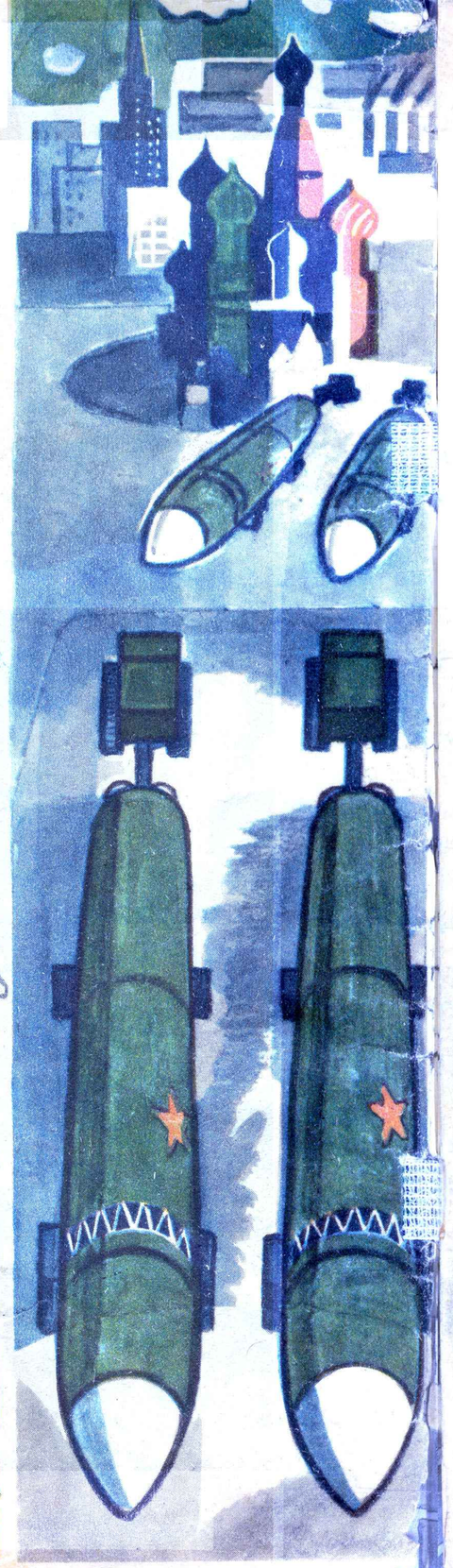
ВЛАДИСЛАВ ТРЕТЬЯК:

Когда художник был маленьким, ему читали сказки Пушкина. И вот... Смотри страницы 15—17.

Мои маленькие друзья! Занимайтесь спортом! Он сделает вас здоровыми и сильными, научит бороться до победы!

Сразу видно: не любит девчонка печалиться. Как и ты, наверное? Тогда загляни на страницу 8.

© «Мурзилка», 1977 г.



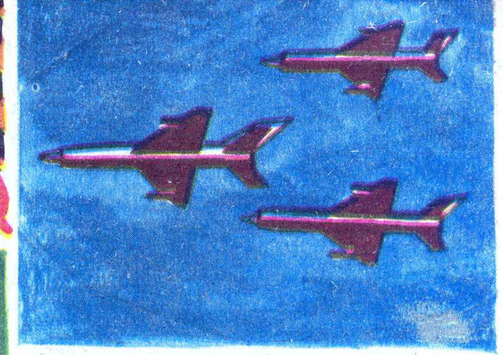
М. СВЕТЛОВ

Одной большой семьёй живут народы,
Крепка Страна Советов, как гранит.
На страже мира, счастья и свободы
Солдат Советской Армии стоит.

Нам не страшны любые непогоды!
Есть у страны труда надёжный щит—
На страже мира, счастья и свободы
Солдат Советской Армии стоит.

Учись, работай! Молодые годы
Твоя страна лелеет и хранит...
На страже мира, счастья и свободы
Солдат Советской Армии стоит.

Рис. Ю. КОПЕЙКО



23 ФЕВРАЛЯ ДЕНЬ СОВЕТСКОЙ АРМИИ И ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА

ПОДАРОК

Алла ОВЧИННИКОВА

Рис. Н. УСТИНОВА

Уже проскрипел дощатый настил. И калитка пискнула. Протопали по ступенькам тяжёлые сапоги. А Лёля почему-то не бежит навстречу деду Максиму. Дом стоит на горе, с которой видны вся Авачинская бухта и все корабли. И когда бы ни подошёл к родному причалу сейнер деда, если только не ночь, длинноногая Лёля тут как тут. Бывало, что и опаздывала, всякие есть дела у занятого человека Лёли, которому скоро в четвёртый класс, но встречала.

Дед Максим стаскивает в сенях тяжёлые резиновые сапоги. К ним на веки веков прилипли рыбьи чешуйки. И на рыжей куртке их тоже сто миллионов, блестящих и разных. Почти сорок лет ловит он в Тихом океане треску, да камбалу, да вкусную рыбку селёдку. Всякое видывал. Ничем его не удивишь. Только что это с Лёлей, не заболела ли? Беспокоится дед Максим, но вида не подаёт. Старые рыбаки — сдержанный народ.

Входит дед Максим. Вот те раз! Стоит у печки Лёля. Жива и здорова, косички-баранки синей лентой подвязаны.

— Знаю, знаю, — говорит, — вы сейчас в море опять уйдёте. Я в диспетчерской была, и мама вам по рации приказ председателя передавала. И я уже готова, и ты бери меня с собой, раз скоро мой день рождения. — Лёля еле дух перевела.

Дед с прищуром оглядел Лёлю — брезентовые брюки в сапоги заправлены, свитер тёплый. Вон на табуретке куртка лежит, лёгкая, непродуваемая. Знает внучка, что август августом, а на Камчатке и в это время в море на прогулку не ходят.

Дед обещал внучке подарок особый — взять её на денёк-другой в море порыбачить. А от слов своих он никогда не отказывался.

— Прогноз дают хороший, — хрипло сказал дед и прокашлялся. — Поверим. Вот только Баранкин сходит в рыбкооповскую лавку за свежими огурцами.

Сели к самовару. Обжигались душистым настоем. Хрустели не совсем спелой брусникой, собранной за Синичкиным озером. И после второй чашки увидела в окошко Лёля важное: матрос Баранкин нёс по-над берегом две тяжёлые корзины. Зоркие глаза у Лёли, зоркие и зелёные, как у деда Максима.

Они очень похожи друг на друга — дед и внучка. Мама Катерина, старшая дочь деда, иногда посмотрит, посмотрит на них и усмехнётся чему-то. «До чего же, — скажет, — вы у нас одинаковые, белобрысые да шустрые. Теперь и росточком-то вровень».

Хотелось, конечно, Лёле, чтобы дед её был с корабельную мачту, высокий, отовсюду видный. Но знала уже Лёля, что рост — это совсем не главное в жизни. Дед Максим был самым лучшим капитаном в колхозе. И в большой комнате у них над приёмником висела алая лента с важными словами — «За рыбацкую доблесть».

— Пошли помаленьку. — Дед сдвинул чуть набок капитанскую фуражку, помятую со всех боков, старенькую, любимую.

Лёля быстро сунула под кружку записку для мамы.

Нет ничего лучше на свете морского ветра. Если у вас на душе хворь какая или грусть, то её всю выдует. Только надо одеваться легко, тепло и непродуваемо. Так дед Максим велит.

За сейнером уже давно летела большая чайка. Вся она была белая, а по кончикам крыльев будто серые волны пробежали. «А что, если она устанет?» — испугалась Лёля. Но чайка не спеша и без всякой устали взмахивала широкими крыльями.

Вдруг она стала снижаться. Всё быстрей и быстрей тянуло её к волнам. Лёля обмерла.

— Деда, вправо, вправо давай! Чайку задавим! — крикнула она.

Сейнер шёл прямиком на чайку. Но легко коснулась чайка воды, не исчезла в ней, а взмыла в небо. В сильном её клюве что-то блестело и билось. Рыбка! Ай да Серые крылышки! Лёле хотелось погладить чайку, но до неё не дотянуться.

— Треску, треску эхолот пишет!

Ну и орёт этот Баранкин. Корчит из себя настоящего рыбака, а сам в восьмом классе вечерней школы. Ещё и усы отрастил, рыжей метёлкой торчат они. Лёля и не глядит в его сторону.

Колючий забор нарисовал на бумаге самописец эхолота.

— Как это у него получилось? — Лёля понять не может, отчего он писал ровненько и вдруг такое стал выделывать.

— Рыбку нашёл, — говорит дед. — Чуткий прибор. Глубину умеет слушать. Сейчас под нами ходит-бродит где-то треска. Очень полезная для детей и для взрослых, для тех, кто бегает и кто трудится.

Тугие тросы ушли за сетью ко дну. Деду всех понятней, что там происходит в глубине.

И дед Максим командует:

— Поднять ваера!

Снюрревод похож на авоську великана. Плавно вытаскивают его из воды. А в сетке рыбы — ой, ой! Не зря налетело со всего света голодных чаек. А где же Серые крылышки? Не отыскать их в этой суматохе. Раз — сеть зависла над кормой, два — раскрылась авоська, потекла из неё серебряная река.

Часы идут за часами, а экипаж — восемь рыбаков, девятая Лёля — кидает и кидает багорками в трюм треску, душистую от морской соли.

А это что за чудище выкарабкивается из рыбьей кучи? Клешнями придавливает всё на своём пути.

— Фу-ты ну-ты, лапти гнуты, глаза выпучены. Как называется? Кра-аб! Ап! — Баранкин схватил краба за клешню, трясёт перед Лёлиным носом.

А Лёля будто не видит страшилища и весело кричит:

— Деда, крабов на обед наварим?

Солнце медленно заваливается за сизые волны. Налетел холодный ветер. И вдруг темно, тихо. Застыла над океаном ночь без единой звезды.

Волны стучали в борт прямо в Лёлино ухо. Она лежала на дедовой койке, наверху тесного кубрика. А над головой — вот странно! — опять палуба.

Сначала Лёля не могла привыкнуть к шуму воды и всё время просыпалась. Но потом крепко заснула. И ей снился сон про большую белую чайку с серыми крыльями. Чайка иногда кидала Лёле пойманную рыбу. Рыба была вкусная, сладкая.

Утром в рации что-то щёлкнуло, и мамин голос строго сказал:

— Всем судам малого флота! Штормовое предупреждение. В ближайшие часы резкое ухудшение видимости. Волнение на море семь-восемь баллов. Возвращайтесь на базу! Повторяю...

— Дедушка-а! — От Лёлиного крика чайки испуганно взметнулись над сейнером. — Штормовое предупреждение!

Мама повторила несколько раз свои строгие слова, а под конец тревожно и быстро спросила:

— Лёля, как вы там?

— Ма-ма-а! — на весь Тихий океан крикнула Лёля. — У нас тут столько ветра! И я стою за штурвалом!

Свалилась с неба морось. Она было совсем накрыла сейнер, да запуталась в его мачтах.

— Видимость три кабельтовых, — сказал дед.

— А шторм все двенадцать баллов, — поддакнула Лёля.

Дед усмешливо крякнул:

— Такого у нас не бывало. Сейчас баллов семь, от силы восемь.

Как огромные морские чудища, ходили и перекатывались волны. Сейнер подкинуло, словно игрушечный, куда-то вверх и вбок, а потом всё разом ухнуло вниз. На дно, что ли? Нет, удержались на воде. Лёля нисколько не укачивалась, и хорошо, что дед видел это. Как славно всегда с дедом! Что бы там на белом свете ни было, а страху нет, ну нет его!

И надо тут было Баранкину заорать из кубрика: «Лёлька, причаливай сюда!»

По столу, ножки которого плотно вделаны в палубу, как и всё на кораблях, ездит туда-сюда большая белая булка, а следом за ней ползает солидная банка. Сгущёнка! Самая любимая на свете.

— Скажи, какой я фокусник! И это я тебе дарю. Держи, именинница.

Они по очереди макают ломти в густую белую кашицу. А тут ещё вкусно пахнет рыбой, и морем, и солёным ветром. Совсем хорошо.

«Нет, — решает Лёля, — Баранкин большой и сильный, а от усов ещё добрей получился».

— Эй, моряки-рыбаки! — Дедов жёлтый чуб просунулся в кубрик. — Давай ко мне!

Лёля первой взлетела вверх по узким ступеням.

— Лодки? Подводные? — никак не разберёт она, что там впереди них ныряет.

— Тю! Дельфинов, что ль, не видела? — Баранкин присвистнул и нацепил Лёлину косицу на вздёрнутый её нос.

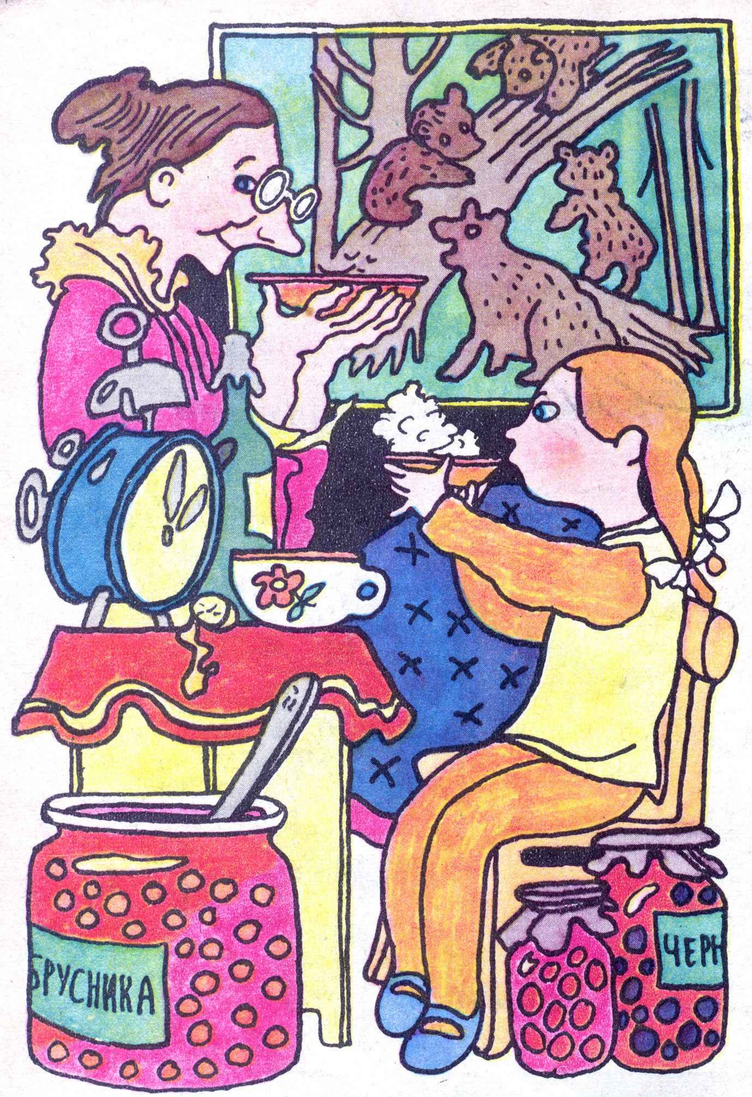
Дельфинам шторм был нипочём. Они веселились в крутых волнах, то скрывались, то выныривали. И всё время оглядывались: не затерялся ли сейнер-кроха среди валов-громадин?

— Глядь, друг Баранкин, ведут точно на норд. Лоцманы! — Дед Максим подмигнул зелёным глазом Лёле. — В бухту заводят. В беде никогда не оставят. Настоящие мореходы.

Волны ухали и стонали, всё мяли бока сейнера. Каждый раз казалось, что они опрокинут или задавят его. А Лёле было хорошо и весело. Отчего же может быть плохо, если ловкие дельфины отчаянно смело проходят сквозь волны, и весёлому Баранкину восемь баллов хоть бы что.

И дед Максим щекочет Лёлину щёку усами и тихо говорит:

— С днём рождения, синичка!

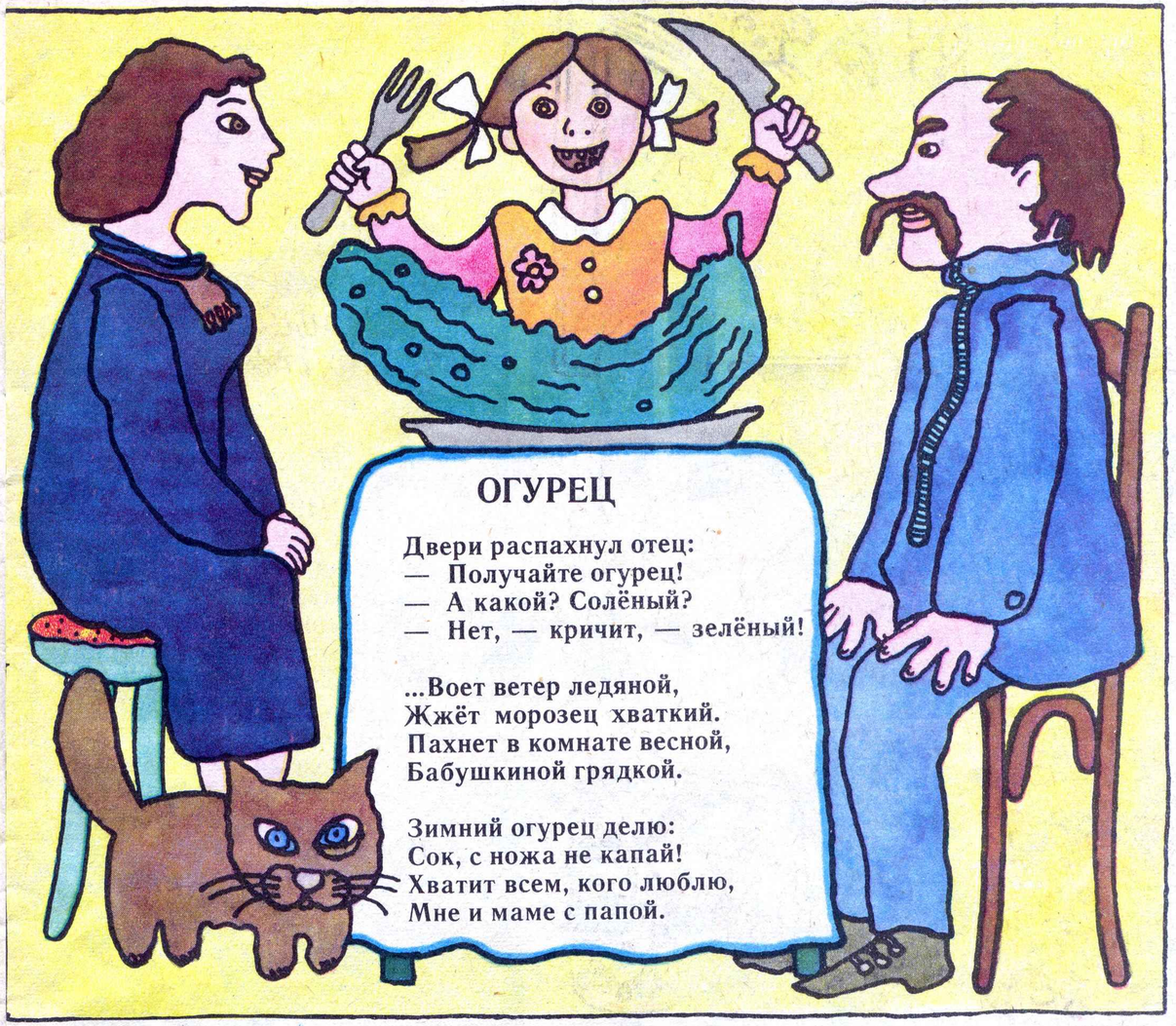


Я. Аким

С горки,
С горки
Кувырком
Покатился
Снежный ком-
Шубой обрастает,
Долго не растает!

БАБУШКА БОЛЕЕТ

Бабушка болеет,
Все её жалеют.
Я ей песни пою,
Киселём пою —
Маминым черничным,
Тётиным брусничным!
— Пей, бабуся, не болей!
— Внученька, себе налей. —
Я её благодарю.
— Ох и вкусно! — говорю.
Не прошло ещё недели,
Встала бабушка с постели.
Очень быстро кисели
Нам с бабусей помогли.



ОГУРЕЦ

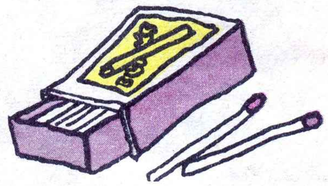
Двери распахнул отец:
— Получайте огурец!
— А какой? Солёный?
— Нет, — кричит, — зелёный!

...Воет ветер ледяной,
Жжёт морозец хваткий.
Пахнет в комнате весной,
Бабушкиной грядкой.

Зимний огурец делю:
Сок, с ножа не капай!
Хватит всем, кого люблю,
Мне и маме с папой.

Мне сказали мама с папой:
— Мы торопимся в кино,
А тебя оставим дома
Приглядеть за Кэтино.

Посмотри, чтоб не упала,
Чтоб иголку не брала,
На стене не рисовала,
Платье не разорвала.



Ножницы держи подальше,
Двери — сразу на запор:
Простудиться ей недолго,
Если выбежит во двор.

Поберечься не мешает —
Начинается зима.
Что ещё?.. Да ты большая,
Догадаешься сама.

Спичек ей не доверяй,
Шкаф стенной не отворяй.
От неё подальше сразу
Спрячь фарфоровую вазу.
Вырвет из горшков цветы —
Будешь виновата ты.

— Нет, — кричу я маме
с папой, —
Лучше я пойду в кино,
А вас оставлю с Кэтино!

Перевёл с грузинского Я. АКИМ

ОКТЯБРЯТА — ПО СТРАНЕ ОКТЯБРЯ

НАШ ГОРОД СЕГОДНЯ И ЗАВТРА

Л. ЯХНИН

Игрушечный город

В мастерской архитектора на большом столе стоят игрушечные домики. Десятиэтажный дом — с палец высотой. Стадион — не шире ладони. Перестраивает архитектор свой игрушечный город: то улицы проложит по-другому, то поменяет местами дома или даже целые районы.

Но как проверить, хорошо ли все получилось? Ставит архитектор на стол прибор, похожий на фотоаппарат, — макетоскоп — и смотрит в окошечко-объектив. Движется макетоскоп по крошечному городу, увеличиваются в объективе домики, и получается, будто архитектор превратился в лилипута и ходит по настоящим улицам настоящего города.

И всё-таки проектировать город — это не просто переставлять домики и смотреть, красиво ли получилось. Нужно многое узнать о будущем городе.

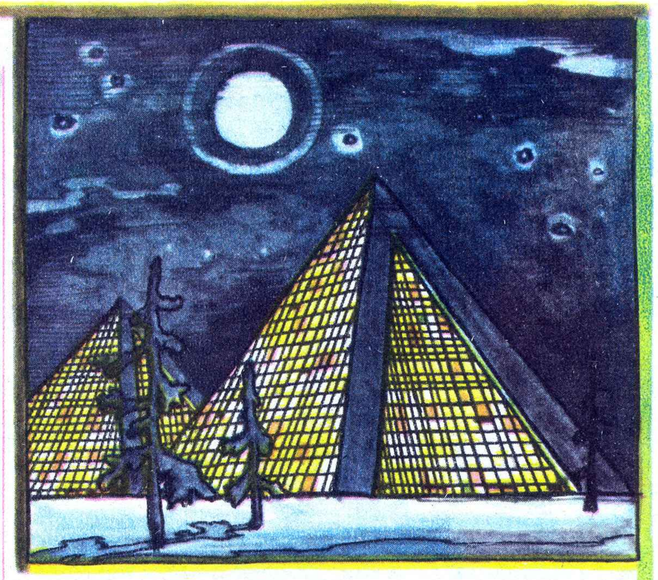
Эти домики на макете скоро превратятся в новый жилой район Москвы — Чертаново-Северное.

Профессия города

Сколько живут города? Таким городам, как Смоленск, Москва или Самарканд, сотни лет. Наши прадеды жили в них, и правнуки тоже будут в них жить. Города эти растут и обновляются. А каждые пять лет на карте нашей страны появляются сто новых городов. Значит, можно считать, что мы уже сегодня живём в городах будущего.

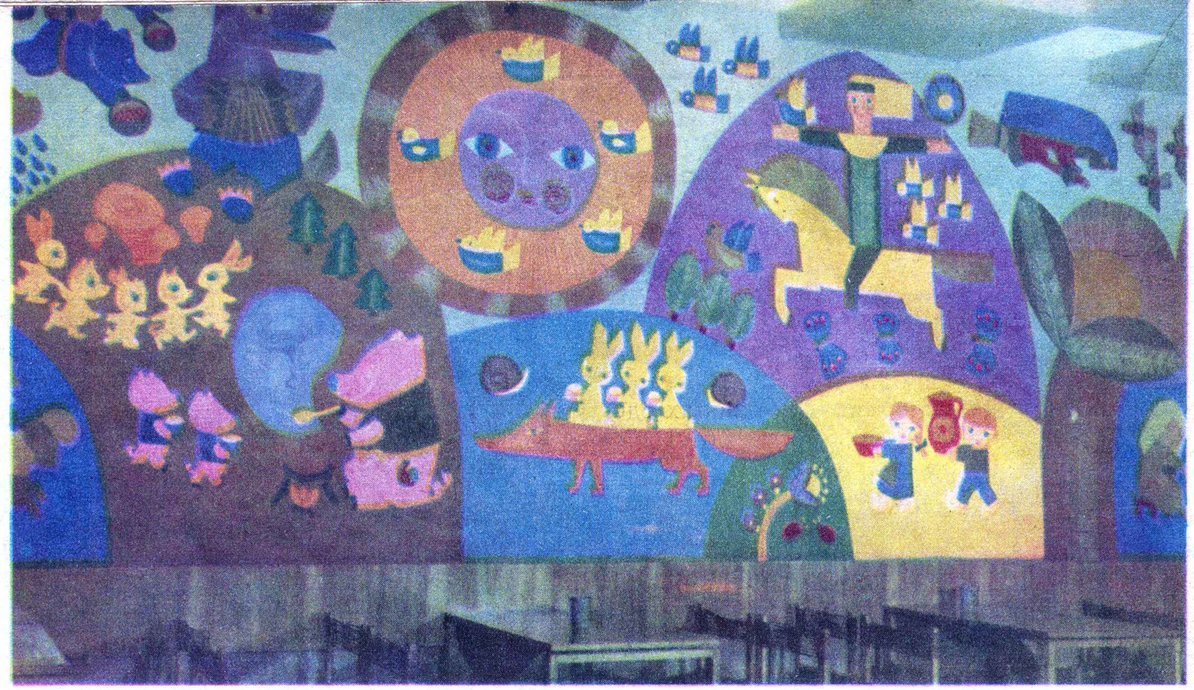
Архитекторы так и считают. Поэтому они проектируют город, заглядывая далеко вперёд. Город ещё не родился, но о нём уже известно почти всё. Врачи и геологи, климатологи и ботаники внимательно изучили место, где будет стоять город. Они выяснили, сколько будет в этом городе солнечных и пасмурных дней, сколько снегу выпадает каждую зиму, хватит ли жителям воды в ближних реках, какие здесь почвы — достаточно ли прочные, чтобы строить дома.

Архитектор уже знает, сколько в городе будет жителей и каким транспортом они будут пользоваться. Какие им понадобятся жилища, сколько нужно построить школ и детских садов. Он подумал и о том, чтобы во дворах непременно были детские площадки с качелями, песочницами и скамеечками для бабушек. И уж непременно известна профессия города. Города не строятся просто так. У жителей каждого города есть основная профессия. И угадать её можно иногда по имени города. Город металлургов — Магнитогорск. Город стеклодувов — Гусь-Хрустальный. Известна профессия города — известно, кто в нём будет жить. А это так важно — знать, для кого строишь.



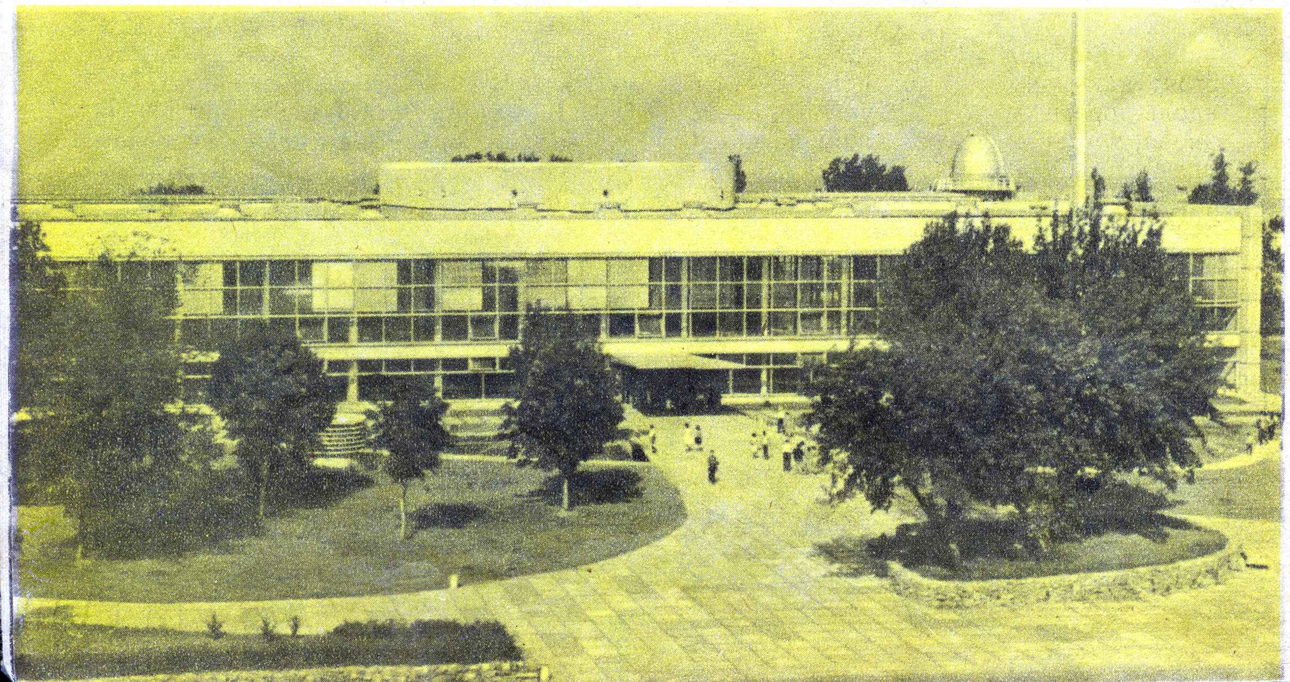
На самом Крайнем Севере собираются строить город-крышу. Он накрыт, как колпаками, большими стеклянными пирамидами, которые пропускают солнечные лучи, но не пропустят внутрь морозы и вьюги.

А в Ташкенте, наоборот, защищаются от жаркого солнца — застеклённая стена дома спрятана за бетонной решеткой, как за жалюзи.



У себя дома мы украшаем стены картинами, а в больших залах картины часто рисуют прямо на стенах — делают росписи и мозаики. В рижском кафе «Гном» такая расписанная стена-картина похожа на страницу веселой детской книжки.

Киевский Дворец пионеров угадывается издалека по очертаниям. Вы ещё не вошли внутрь, но можете сказать, что здесь есть обсерватория — вот тот серебристый купол. А вот возвышается над крышей круглое покрытие ленинского зала, и за стеклянной стеной видны мастерские.



Города севера и юга

Город Навои построен совсем недавно в самом жарком месте нашей страны — среди раскалённой пустыни Средней Азии. Дома здесь поставлены так, чтобы заслонить улицы и дворы от сухих жёлтых песчаных ветров. Вдоль улиц города прорыты узкие каналы-арыки, а на площадях и во дворах сделаны пруды и бассейны, в которых плещутся в жаркий день малыши. Город среди пустыни стоит, как оазис, — в зелени и прохладе.

А город Норильск построен в Заполярье, где земля промёрзла на сотни метров вглубь. Летом солнце пригревает, и верхний слой мёрзлой земли оттаивает. На такую ненадёжную опору дом ставить нельзя — «поскользнётся» и упадёт. И в Норильске дома поставили на сваи — крепкие железобетонные столбы, которые вбиты в промёрзшую землю на много метров. Солнце за короткое полярное лето не успевает так глубоко прогреть почву, и дома стоят прочно, поднявшись над землёй, как на курьих ножках.

Город и природа

Когда смотришь на макет жилого района Москвы, то кажется, что дома стоят как попало — одни вытянулись вдоль дороги, другие отступили в глубь двора, третьи и совсем боком повернулись. На самом деле дома поставлены так не случайно. Они уступили место деревьям, озёрам, холмам. Природа такая же часть города, как площади, улицы, здания.

В старых городах дома стояли, плотно прижавшись, плечом к плечу, словно шеренга солдат, охраняющих улицу. А для деревьев оставалась узкая полоска по краю тротуара. В новых районах дома уже не теснятся, стоят свободно. Между ними бегут по зелёным лужайкам тропинки, растут деревья.

НАГРАДЫ РОДИНЫ

ОРДЕН ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Дорогой друг! Сегодня продолжается рассказ об орденах.

В память победы трудящихся над капиталистами и помещиками учреждён орден Октябрьской Революции. Это пятиконечная звезда, в середине которой — красное знамя и силуэт крейсера «Аврора».

В октябре 1917 года орудийный выстрел крейсера стал сигналом к штурму Зимнего дворца. Была тёмная ночь. Темнота скрывала укрепления врагов. Матросы «Авроры» зажгли корабельный прожектор, осветили дорогу восставшим. Орудие крейсера, светлый луч прожектора тоже изображены на ордене.

В этом году советский народ будет праздновать 60-летие Великого Октября. Особо почётными гостями на торжествах будут люди, награждённые орденом Ленина и орденом Октябрьской Революции.

Лидия КОРЧАГИНА

ССОРА

Мы поссорились с Алёшкой,
Да всерьёз, не понарошке.
Встретимся на улице,
Губы сами дуются.
Чья вина?
Его, моя?
Он забыл,
Забыл и я.

ОТВОРЯЙТЕ ВОРОТА

Отворяйте ворота,
Едет Ваня-доброта,
Впряг в тележку он кота,
Ой! Какая красота!
На коте-воркоте
Шапка плисовая,
Шапка плисовая,
Вся расписанная.
А рубашка на нём,
Эх, атласная,
Эх, атласная,
Зорька красная!
Отворяйте ворота,
Едет Ваня-доброта.
Всем поможет,
Всем уважит,
Слова горького
Не скажет.

СОН

— Мама, подожди немножко,
Не буди! — кричит Алёшка.
Одеяло — к носу ближе:
— Я во сне пятёрки вижу.

ВИТАЛИЙ СТАЦИНСКИЙ - 76

Ив. БРУНИ

Однажды, когда я был маленьким, мама читала мне «Сказку о мёртвой царевне и о семи богатырях».

Мы жили тогда в деревне, был вечер, из окна виднелись луга, одинокие старые дубы, и над далёким лесом за рекой светился молодой месяц. И как раз про месяц читала мама. Как царевич Елисей, разыскивая свою невесту, разговаривает с месяцем:

— ...Аль откажешь мне в ответе?
Не видал ли где на свете
Ты царевны молодой?
Я жених ей...

Так было жалко Елисея и так хотелось, чтобы он поскорее отыскал свою царевну.

Нам всегда жаль и бедного доброго старика, и мы — и дети и взрослые — очень не любим злую старуху, которой всегда всего мало...

А когда я стал художником, мне захотелось всех их нарисовать: и месяц, и Елисея, и царевну, и старика со старухой, и Самое Синее Море, и удалых богатырей, и дом, где они жили.

Это картинки из книжки, которая скоро выйдет в издательстве «Малыш» к 140-летию со дня смерти великого и любимого всеми нами Александра Сергеевича Пушкина.

Иллюстрацию к „Сказке о мёртвой царевне и о семи богатырях“ смотри на стр. 16—17.

Ю. КОВАЛЬ *Рисунки автора*

Фото В. УСКОВА

Ударившись коленями о груду щебня, я повалился на бок, но тут же вскочил. Какая-то рухлядь — кроватные спинки, корыта, батареи центрального отопления — окружала меня.

— Я говорил, надо было крючком, — сказал Белов, ослепляя меня фонариком. — Посмотри, что это за круглая штука валяется.

Я поднял овальную жестянку, протёр её. Из-под слоя пыли выглянули тиснёные буквы.

— Кинь её сюда, — сказал Белов.

Я кинул и остался в темноте, потому что Белов пытался прочесть буквы, освещая их фонариком.

— Свети сюда! — крикнул я, не давая развиться «жестяночной болезни».

Под светом фонаря я забрался на груду щебня и дотронулся наконец до пыльной трубы. Определить на ощупь, бамбук это или нет, я, конечно, не мог, но труба оказалась лёгкая

ПЛАВАНИЕ НА ОДУВАНЧИКЕ

и неожиданно длинная. Я направил конец трубы в пролом, и Белов с милиционером вытащили её наружу.

Я опять остался в темноте и слышал только, как скрипит снег, свистит метель в пустом доме и как милиционер-художник подаёт какие-то совершенно небамбуковые команды, вроде «заноси левее», «ложи её сюда» и т. д.

Наконец фонарик снова ослепил меня, и я услышал голос:

— Ну, брат, граммофона нам вроде не видать. Это бамбук!

«ВЫСОЦКИЙ И К°»

И до сих пор я не могу поверить, что в ту метельную зиму нам удалось найти в Москве бамбук. Но вот глубокой ночью я стоял на дне пропылённого подвала и подавал одно за другим наверх настоящие бамбуковые брёвна. Я даже представить себе не мог, что бамбук бывает такой толстый, с удивлением ощупывал узловатые стволы и думал, что Москва действительно город чудес.

Белов вытаскивал брёвна на улицу, а милиционер-художник освещал всё это фонариком.

Надо сказать, что в эти минуты он как-то стушевался и не смог сразу сообразить, как ему поступить в данной ситуации: как милиционеру или как художнику, поэтому и выступил в роли осветителя.

Когда мы вытащили пять брёвен, милиционер-художник несколько раз помигал фонариком и неожиданно сказал:

— Хватит.

— Почему? Мало на лодку.

— На самую лёгкую лодку в мире хватит, — повторил милиционер и опять помигал фонариком.

В подвале лежало не меньше двадцати брёвен, и мы с Беловым, не сговариваясь, собирались утащить все. Но милиционер-художник принял решение и мигал беспрестранно фонариком, подчёркивая его твердость. Наверно, он подумал, что граммофону без бамбука будет одиноко. Под миганье фонарика мы уговорили Шуру дать нам ещё одно, шестое бревно, по которому я и вылез наверх.

Под светом уличного фонаря я рассмотрел наконец бамбук. Белов воткнул брёвна в сугроб. Толщиной с водосточную трубу, стояли они, покачиваясь. Оранжевые и коричневые, под светом фонаря они блестели, будто покрытые лаком.

— Можете увязывать и паковать, — сказал Шура-милиционер. — А в субботу приходите граммофон слушать.

Толкаясь локтями, мы жали Шурику руку, обещали принести пластинки к его граммофону. Белов расчувствовался, даже слегка обнял милиционера и сказал:

— Становись-ка ты, Шура, художником.

Мне захотелось поспорить с Беловым, я обнял Шуру с другой стороны и шепнул:

— Не слушай Витьку, будь милиционером.

— Я и сам не знаю, как тут быть, — признался милиционер-художник. — Душа разрывается. И то и это дело нужное.

— Надо избрать что-то одно, — сказал Белов. — И дуть в эту дудку.

— Можно и в две дудки дуть, — сказал я.

— Буду я обычным человеком, — разумно возражал Шура, — спать пойду.

Мы окончательно обнялись, и, когда Шура скрылся за углом, Белов вытащил из-за пазухи овальную жестянку.

Красная краска на ней местами облупилась, проржавела, но хорошо видна была парусная лодка и надпись белым по красному:

ЧАЙ
Т-ва Чайная торговля
В. ВЫСОЦКИЙ и К°
МОСКВА

НОЧНОЕ ПЛАВАНИЕ

Перед нами была старинная вывеска. Но как попала она в подвал? И как попал сюда бамбук?

— Ты знаешь, чего я думаю, — сказал Белов. — Я думаю, что в этих брёвнах раньше перевозили чай, насыпали внутрь сухого чаю и перевозили вот на таких лодках.

Белов прислонил нос к бамбуковому бревну, понюхал и сказал:

— Пахнет чаем.

Я понюхал и понял, что пахнет вовсе не чаем, а кошками, но говорить об этом не стал. Мне не хотелось вводить лишних действую-

ПЛАВАНИЕ НА «ОДУВАНЧИКЕ»

щих лиц. И бамбук-то с чаем мы не могли увязать, а кошки добавили бы путаницы.

Была уже глубокая ночь. Снег валил со всех сторон. Мы замёрзли и долго связывали бамбук верёвкой. Связавши, взвалили на плечи. Связка оказалась громоздкой, руки соскальзывали с гладких лакированных бревён.

Переулками мы вышли на Сретенку. Метель свистела в жерлах бамбуковых брёвен.

— Воют, как граммофон, — недовольно ворчал Белов, который шёл впереди.

— Право руля! — кричал я ему. — Переходи на другой галс!

Снежный ветер то подталкивал нас в спину, то налетал сбоку и разворачивал поперёк улицы, мы неловко маневрировали, напоминая тяжело гружённую баржу. Это было первое плавание самой лёгкой лодки в мире.

— Левее загребай! Правее табань! — покрикивал я и вдруг услышал сзади:

— Стоп!

В первую минуту я подумал, что это догнал нас зачем-то милиционер-художник. Но ошибся. Нас догнал милиционер, но это был милиционер-нехудожник.

МИЛИЦИОНЕР-НЕХУДОЖНИК

— Суши весла! — крикнул я, и мы повалили связку на снег.

Милиционер-нехудожник оглядывал и нас и бамбук с крайним подозрением. Он молчал. Белов постучал ботинком по бамбуку, потопал ногами, попрыгал и подошёл к нам.

— Метель-то какая, а? — сказал он милиционеру.

— Прямо норд-ост! — добавил я.

— Что это вы тащите? — спросил милиционер. — И есть ли у вас документы?

— Документов нету, — сказал Белов.

— А тащим мы бамбук, — добавил я.

— Какой еще бамбук?

— Наверно, японский, — сказал Белов.

— Попрошу накладные на бамбук.

— Ничего такого у нас нет.

— Откуда же вы тащите этот бамбук?

— Да нам его милиционер-художник подарил, — чистосердечно сказал Белов, и, на мой взгляд, глупее этой фразы придумать было невозможно. Фраза озадачила милиционера, несколько секунд переваривал он её и сказал неожиданно:

— Это Шурка, что ли?

— Точно. Который на Сретенке стоит.

— Да откуда ж у Шурки бамбук? — недоумевал милиционер. — Где ваши накладные?

— Накладные остались у Александра, — сказал я. — Необходимы дополнительные печати.

— Ничего не пойму, — признался милиционер. — Какие ещё печати? И откуда вы тащите этот бамбук?

— Бамбук с чайного клипера, — сказал Белов. — Он лежал на Сретенке, в подвале. Вот и вывеска, поглядите.

Он достал из-за пазухи вывеску «Высоцкий и К°», которая совершенно запутала дело.

— Не знаю прямо, что с вами делать, — сказал милиционер. — То ли в отделение вести, то ли отпустить. Придётся, видно, вести в отделение.

— Что вы! Что вы! Пойдёмте лучше с нами. Дойдём до мастерской, тут недалеко. Заварим чаю и разберёмся.

— В отделении тоже можно чайку заварить, — возразил милиционер.

— У нас-то чай со слоном. И варенье осталось. А можем чаю-медведя сделать.

Несколько минут уламывали мы милиционера, и наконец он согласился, помог взвалить на плечи бамбук, и мы снова двинулись вперёд. Милиционер-нехудожник важно шагал сбоку, и присутствие его сделало наше плавание более торжественным и чуть величавым. Мне было приятно, что в первом плавании самой лёгкой лодки в мире участвуют сопровождающие корабли.

— Вы знаете, — сказал я милиционеру. — Вы участвуете в первом плавании самой лёгкой лодки в мире.

— Как это так?

— Из этого бамбука мы построим самую лёгкую лодку планеты.

— На лёгкой-то далеко ли уплывёшь? — спросил милиционер. — Зачем она вам?

— Рекорды бить.

— Делайте плоскодонку, — неожиданно сказал милиционер. — У нас в Мещёре все на плоскодонках плавают. Из осины долбят.

Пока мы шли к мастерской, милиционер-нехудожник рассказывал мне, как делают лодки у них в Мещёре, как выбирают осину, как парят, как долбят, как разводят её, и я уж думал, что он совсем успокоился насчёт бамбука. Но все-таки, когда мы пришли в мастерскую, заварили чай и уселись за стол, он первым делом спросил:

— Так где же всё-таки документы и накладные?

ПЛАВАНИЕ НА „ОДУВАНЧИКЕ"

Выдающихся писателей даже в нашей богатой талантами литературе не так уж много. Герои в их книгах описаны так талантливо и правдиво, что мы начинаем думать о них как о живых людях. К таким выдающимся писателям принадлежит Валентин Петрович Катаев.

Писатель прожил большую, интересную жизнь. На глазах В. Катаева затарахтели, задымили первые автомобили, задребезжали первые трамваи.

В. Катаев чаще всего писал книги для взрослых. Но у него есть также несколько произведений, написанных о детях и для детей. Среди детских книг первое место, несомненно, принадлежит повести «Белеет парус одинокий». Солнечный блеск Чёрного моря, революционная Одесса, восстание моряков, уличные бои в городе, участие в революции двух отважных мальчиков, Пети и Гаврика, тревожный и радостный дух тех незабываемых дней написаны писателем так хорошо, что наши сердца стучали от сочувствия, от зависти к героям этой книги.

28 января 1977 года Валентину Петровичу Катаеву исполнилось 80 лет. Вместе с пожеланиями здоровья и долгих лет жизни, вместе с благодарностью за всё сделанное юбиляру обычно что-нибудь дарят. Я думаю, что если в эти дни мы возьмём книги Валентина Петровича Катаева и перечитаем их (или прочтём впервые), то это и будет нашим общим подарком юбиляру.

Юрий КАЗАКОВ

МАНЯ—ДАНЯ

Елена БЛАГИНИНА *Рис. В. ПЕРЦОВА*

ПЬЕСА ДЛЯ ОКТЯБРЯТСКОГО ТЕАТРА

Играют две тётеньки — Маня и Даня. Они идут друг к другу навстречу. У Мани в руках корзинки.

ДАНЯ. Здравствуй, Маня!

МАНЯ. Здравствуй, Даня!

ДАНЯ. Где была?

МАНЯ. Была на рынке.

ДАНЯ. Что купила?

МАНЯ. Две корзинки. ***(Ставит их перед собой.)***

ДАНЯ. Что в корзинках?

МАНЯ. Мандаринки,
Сласти,
Книжки
И картинки...

ДАНЯ. Для кого?

МАНЯ. Для Катеринки.
Катеринке скоро пять,
Значит, будем пировать.
(Очень приветливо.)
Приезжай и ты,
Дружок,
К нам на тёплый
Пирожок!

ДАНЯ. А когда?

МАНЯ. Да в эту среду.

ДАНЯ ***(раздумывает, потом решительно).***
Что ж, возьму да
И приеду!
(Весело.)
Не приеду — прилечу!
И детишек прихвачу!

МАНЯ ***(немножко растерялась).*** Сколько ж вас?

ДАНЯ. Со мною — шесть!
(Хохочет, машет ручкой и убегает. Маня совсем растерялась. Садится на корточки перед корзинами, рассматривает то, что в них лежит.)

МАНЯ. Что же гости будут
Есть?..
Ну, закусок и сластей
Прикуплю я для гостей...
(Оживляясь.)
Всем изжарю по котлетке,
Испеку по тарталетке!
(Ещё более оживлённо.)
Стулья или табуретки
Раздобуду у соседки,
И усядутся все детки —
Целых двадцать милых глаз!
(Совсем развеселилась.)
То-то будет пир у нас!
А что тесно — не беда!..
(К зрителям.)
Как вы думаете?

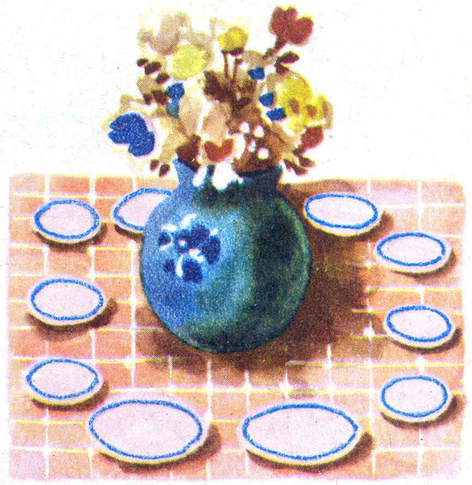
ЗРИТЕЛИ ***(или отдельные голоса, или один голос).***
Да-а-а!

МАНЯ ***(всплескивает руками).***
Убегаю... Недосуг!..
(Подхватывает корзинки, бежит. Убегая, оборачивается к зрителям, кричит.)
Дело будет в лучшем
Виде!

ГОЛОС ИЗ ЗАЛА. В тесноте,
Да не в обиде!

ДАНЯ ***(выходит на авансцену, чуть-чуть таинственно).***
Украшенье дома, детки,
Не ковры, не статуэтки,
Не хрусталь, не серебро,
А радушье и добро!
Представлению — конец!
Тот, кто слушал,

МОЛОДЕЦ!



ШАЛЯПИН

Р. ПОГОДИН

Рис. В. ЛОСИНА

Имя его позабыли — так он всем надоел. Голос у него был. Голос! От гудящих низов до высокого альта. Его пенье напоминало обвал в горах, вой волчьей стаи, рёв смертельно раненного слона.

— Шаляпин, заткнись! — говорили ему, кричали, приказывали наконец.

Он не понимал. Он пел. Не мог осознать, что у него нет слуха. Считал, что все вокруг заземлённые люди, которым песня чужда по природе, как земляному червю крылья бабочки.

Было это во время войны. Танковая часть подступила к небольшому старинному немецкому городу.

Танки в бой не введёшь без разведки. Город тесен, улочки узкие. Многие заканчиваются тупиками. Фаустники-гранатомётчики подожгут наши танки, и всё тут. Разрушать город пушками жалко. Старинный город, красивый очень.

Позвал генерал командира разведчиков. Приказ дал — наступать разведротой. Если противник в городе в небольшом числе, разведчики справятся. Если сила стоит, придётся пехоту ждать — танки далеко оторвались от основных частей.

Такое наступление разведчиков называется разведка боем.

Пошла рота. Фашисты встретили её пулемётным огнём, гранатами. Но разведчики вошли в город. По переулкам идут, по улочкам, по дворам, хитро пробиваются к центру города. Разведчикам уличные, ближние бои — дело привычное: в дом заскочат, по первому этажу пройдут на другую улицу. А то и по крышам. Воюют.

И понимают солдаты опытные, что городок ротой не взять. Какая-то отступающая немецкая часть здесь временно закрепилась.

Сообщили обстановку генералу по радио. Он приказал уходить.

Вышли разведчики из города в соседнюю деревушку, где расположилось их хозяйство. Раненых в медсанбат, кого надо, в госпиталь. Убитых не было. Но не вернулся Шаляпин.

Стали спрашивать — кто его видел? С кем он был рядом?

Многие видели. Воевал солдат. Кричал своим громким голосом.

Все смотрят друг на друга смущённо и виновато.

Отделение, в котором Шаляпин числился, вызвалось идти ночью в город искать. Может, раненный сильно. Может быть, погиб в бою певец, так хоть мёртвого принести.

Ходили. Пальбу учинили, драку, но Шаляпина не нашли. Война!

И не стало хватать солдатам шаляпинской песни, его громоподобного баса.

Через три дня подошёл батальон пехоты. Пехотинец от всех других солдат отличается обстоятельностью. Пообедали пехотинцы. Оружие привели в порядок. Письма домой написали. И в бой. Разведрота с ними пошла. И несколько танков — в главные улицы, в те, что пошире.

Идут разведчики теми же путями, что и в первый раз. Переходят с улицы на улицу по нижним этажам домов через окна.

В одном месте застряли. Из дома, что выходил на улицу углом, как бы сламывая её, давая ей другое направление, бьёт пулемёт.

Не проскочить — поливает, как пожарный брандспойт. А из-за угла гранаты летят. Только решили разведчики обойти дом, взять его с тыла, как вдруг пулемёт замолк.

Через некоторое время отворились створки другого окна, которое выходило на невидимую от них часть улицы, откуда противник гранаты швырял, и пулемёт опять принялся бить. По противнику!

«Пока мы тут мешкали да раздумывали, пехота, наверное, нас обошла», — с досадой решили разведчики. Пригибаясь на всякий случай, побежали к тому дому, где пулемёт. За угол глянули, а там паника. Фашисты под прикрытием пулемёта сосредоточились на небольшой круглой площади. И машины и повозки, а тут на тебе — их пулемёт по ним же в упор стреляет. К пулемётному огню разведчики прибавили свой, автоматный. Гранатами поработали. И в этот дом заскочили укрыться от ответного огня.

Смотрят, на полу два пулемётчика фашистских лежат. А у окна за пулемётом наш солдат сгорбился.

— Эй! -- кричит. — Поднесите коробку с лентами! — Голос у него хриплый, едва слышный.

Подали ему солдаты-разведчики коробку, смотрят — Шаляпин. С лица зелёный, губы белые, глаза навыкате.

— Живой! — кричат.

Он отмахивается.

— Ладно, — говорит. — Потом. Сейчас некогда...

Городок взяли аккуратно, без разрушений.

Тылы в город втянулись, кухни и прочее.

Только Шаляпин горячей еды не отведал — спал. Он там и уснул, в том доме. Тащили его солдаты-разведчики на руках.

А случилось с ним вот что. То ли он вперёд выскочил во время разведки, то ли слишком в сторону отклонился. Только почувствовал вдруг, что остался один. У солдата на войне развивается такое свойство — он печёнками чувствует, когда остаётся один. Тронулся Шаляпин назад. Вокруг враги. Понял он сложившуюся обстановку, шмыгнул в первый попавшийся дом. Хотел там пересидеть до ночи. По улице немцы идут группой, Шаляпин их из окна видит. Двое отделились от прочих и с пулемётом в этот же дом. Шаляпину деваться некуда. Глядит — в комнате в углу куча бумаги. Почти до самого потолка. Наверное, здесь контора была или архив. Шаляпин под бумагу заполз ужом и притаился. Слышал, как фашисты пулемётную точку оборудовали, как ели, как спали. Не дышал Шаляпин. Трое суток лежал под бумагой в полном оцепенении. Говорит, труднее всего терпеть было, когда немцы песни пели под губную гармошку. Так ему хотелось встать и запеть басом: мол, знай наших! Когда уже почти в обмороке услышал Шаляпин, что приближается по улицам наступление, из-под бумаги поднялся. Гаркнул: «Хенде хох!» — а голоса нет, только шёпот чуть слышный. Уложил он обоих пулемётчиков из своего автомата. Перенёс пулемёт к другому окну и повёл самостоятельный бой. Тут разведчики к нему подоспели.

Долгое время голос к Шаляпину не возвращался, сжались у него голосовые связки от немоты под бумагой.

Солдаты-разведчики жалели его притворно. Вот, мол, как жаль, такой голос пропал. Это потеря для всей бригады. А может, и для всей армии. Может, ты бы в большие люди после войны выдвинулся — в Большой театр.

И вдруг однажды, уже возле самого Берлина, услышали солдаты-разведчики шаляпинский рёв. «Вдоль по Питерской...» — орал Шаляпин. Голос к нему возвратился вдруг, да, пожалуй, ещё и с прибавкой. Потому что в тот день вручили Шаляпину орден Славы второй степени, третья степень у него была уже. А как известно, этот солдатский орден солдатскому голосу придаёт очень большую силу.

И не скажешь ведь:

— Шаляпин, заткнись!

Сами же его голос потерянный жалели и расхваливали.

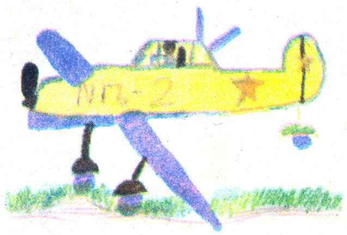
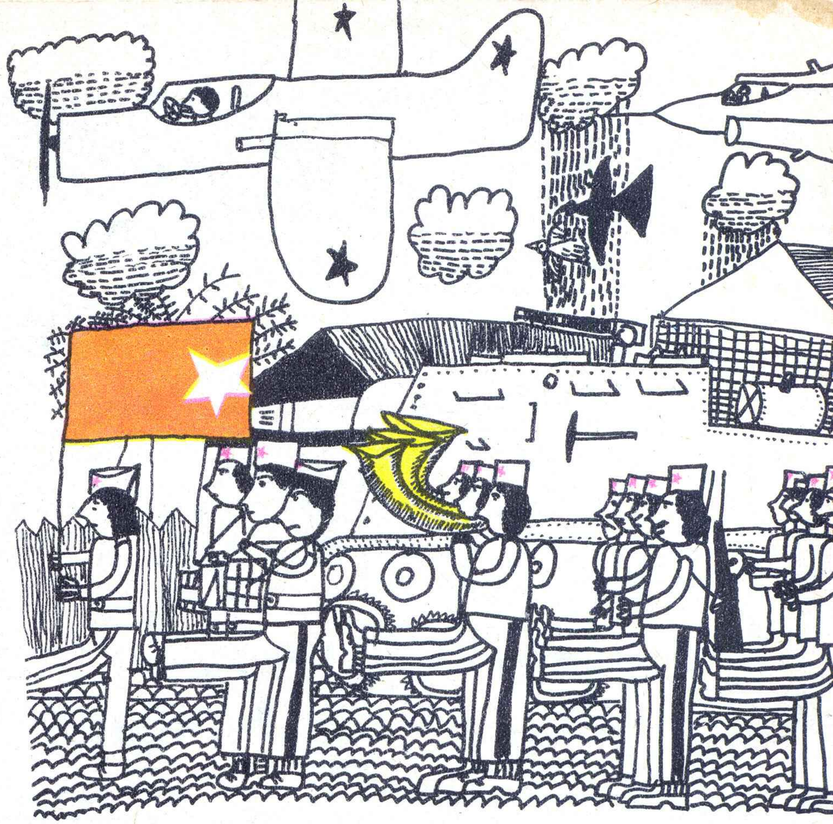


Рисунок Саши Копейко, Москва.

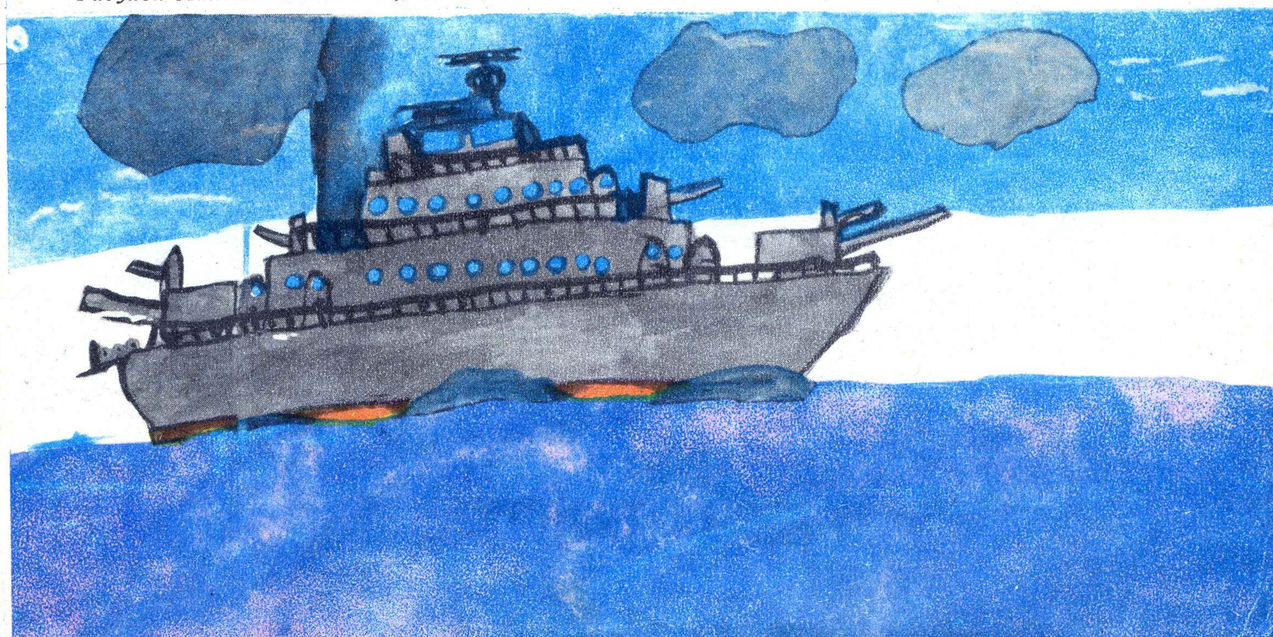
Рисунок Мити Гошко, Москва.



НАШ КОНКУРС

Он объявлен в январском номере «Мурзилки» и называется «Октябрята — по стране Октября». Сегодня мы печатаем рисунки читателей к Дню Советской Армии и Военно-Морского Флота.

Рисунок Максима Алхимова, Москва.



М. ВЕРЕТИЛОВА

КАК ВЛАДИСЛАВ ТРЕТЬЯК СТАЛ ОЛИМПИЙСКИМ ЧЕМПИОНОМ

Февраль — последний месяц зимы. Скоро конец санкам, лыжам, конькам. А в большом спорте до самого лета ещё будут проходить «зимние» соревнования.

В апреле в австрийском городе Вене начнётся чемпионат мира по хоккею. В Вену тренеры возьмут самых быстрых, самых умелых хоккеистов.

Приглашаем сегодня всех октябрят на беседу с Владиславом Третьяком.

Мы встретились с ним на тренировке и задали вопросы из ваших писем.

Как же начал Третьяк заниматься спортом? Оказывается, во всём «виновата» мама.

— Мама привела меня в хоккейную секцию ЦСКА, когда мне исполнилось 11 лет. До этого я увлекался лыжами, плаваньем, прыжками в воду. Вначале меня не интересовало, кем я стану в хоккее — нападающим или защитником. В тот момент не оказалось больше никакой формы, кроме снаряжения вратаря. Я надел на себя хоккейные доспехи и сам себе очень понравился. «Ну, — сказали мне, — раз на тебе вратарская форма — вставай в ворота». Я встал. И вот защищаю их уже тринадцать лет.

Как же стать хорошим вратарём?

— Чтобы стать хорошим вратарём, хорошим спортсменом, нужно много-много трудиться. Когда я учился в школе, то участвовал во всех соревнованиях. И теперь, став хоккеистом, я занимаюсь и тяжёлой атлетикой, и бегом, гимнастикой и акробатикой, что особенно важно для вратаря. Он должен быть гибким, ловким, мягко падать, быстро и легко вставать. И конечно, основное внимание — хоккею. Тренировки на льду каждый день. За 13 лет я ещё ни разу просто так не пропустил тренировку. Ну а перед игрой я себе внушаю: «Сейчас будет тяжело, но ты должен хорошо стоять, внимательно следить за шайбой». К любому матчу — сильный или слабый противник — надо готовиться обязательно.

Чем же так понравилась маленькому Владику форма вратаря? Какие они и для чего — хоккейные вратарские доспехи?

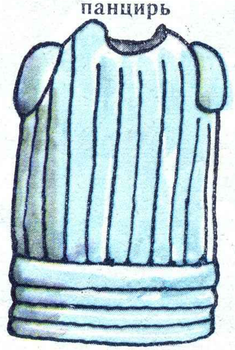
— Шлем, маска. Они защищают лицо и голову вратаря. Маски у всех вратарей разные. А некоторые голкиперы даже делают на них зарубки, рассказывающие, сколько раз шайба летела прямо вратарю в лицо. У меня маска удобная. В ней легко дышится, хорошо видно поле. Свитер. Когда я играю в чемпионате Союза, на мне свитер ЦСКА; когда защищаю ворота сборной, на моём алом свитере буквы «СССР». Панцирь. Он самый тяжёлый, но без него нельзя: он защищает грудь от ударов шайбы и клюшки. На руках, тоже под свитером, налокотники. Они предохраняют локти от ушибов. На правой руке — «блин», им я отбиваю шайбы. В этой же руке клюшка. На левой — специальная перчатка «ловушка». Щитки. Они на ногах. Они смягчают удары и падения. Вратарю чаще других приходится падать. Щитки большие и, если удачно выбрать позицию, закрывают некоторую часть ворот. Клюшка. Это наш основной помощник. У вратаря она шире, чем у полевого игрока. Можно отбить шайбу коньком или поймать в ловушку, но больше всего вратарь работает всё-таки клюшкой. Коньки. За ними нужен особый уход. Коньки вратаря должны так быстро скользить по льду, чтобы успеть за шайбой. И вся эта моя амуниция весит почти двадцать килограммов!

— Что вы скажете на прощанье своим болельщикам, Владислав?

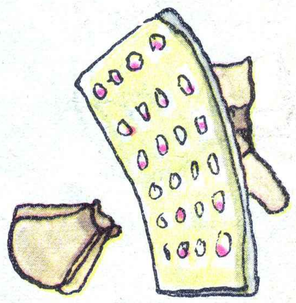
А что ответил Владислав Третьяк, читайте на второй странице журнала.

шлем, маска

свитер

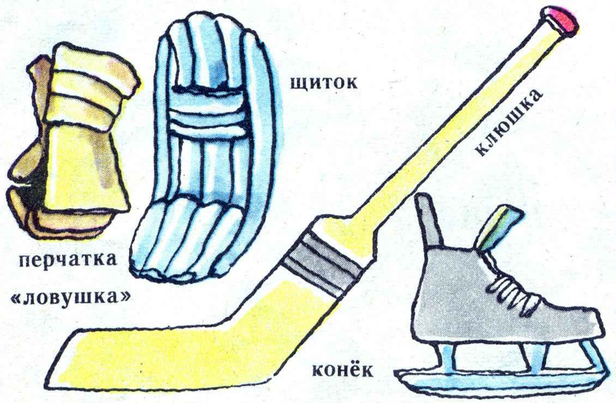


панцирь



перчатка «блин»

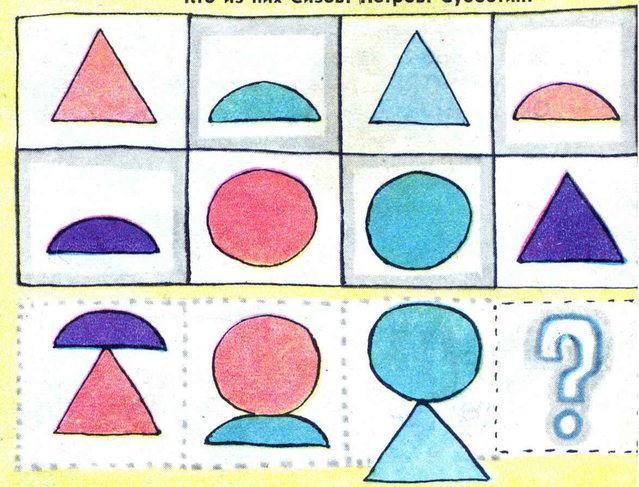
налокотник



ПОДУМАЙ ОТГАДАЙ

А. ЛЕЛЬЕВР *Рис. Л. НИЖНЕГО*

За партой — трое ребят.
В середине — не Петров.
С краю — не Сизов.
В клетчатой рубашке — не Субботин.
Кто из них Сизов! Петров! Субботин!



По какому правилу составлены фигуры нижнего ряда!
Какую фигуру надо нарисовать в пустой клетке!

РАЗНОЦВЕТНЫЕ СНЕЖИНКИ

В. МУСАТОВ

Какие снежинки разные:
Зелёные, жёлтые, красные!
Стоит светофор и моргает:
Глядит, как снежинки летают.

В ПЕСОЧНИЦЕ

Г. ЛАГЗДЫНЬ

Вот кастрюля,
Поварёшка,
Вот тарелочка,
Вот ложка!
Плошки, полные сластей!
Пригласили мы гостей.

Воробей проверил плошки:
— Чир-чир-что!
Всё понарошке!!!

Т. БЕЛОЗЁРОВ

В непогоду спит чебак,
Но не спит чудак рыбак.
За плотиной, на ветру
Просверлил во льду дыру —
У дыры плотвица
Стайками толпится.
Смотрит, словно в телескоп,
На ребячий потный лоб,
На ресницы в инее,
На глазёнки синие,
На веснушки на носу...
И не смотрит на блесну!

ЗИМНЯЯ РЫБАЛКА

С. СКАЧЕНКОВ

СЕРЁЖКИНА ОБИДА

Трясёт Антон антоновку,
А друг Сергей вздыхает:
— Ну почему сергеевки
На свете не бывает?

СЕРГЕЕВКА?

Рис. В. ГОШКО

?ПОДУМАЙ? ?ОТГАДАЙ?

ОТВЕТЫ К ЗАДАЧАМ (см. стр. 29)

Январским ясным утром
В начале сентября
Взошла луна, а звёзды
Упали на поля.

Нарцисс закукарекал,
Расцвёл петух-чудак.
А я в подвал спустился,
Чтоб подмести чердак.

Пересказал с английского А. ЖУКОВ

Г. БОРОДУШКИН

ГЛЕБОВА ЗАГАДКА

— Ребята! — Глеб кричит. —
Загадку загадаю:
Кто знает, как зовут
Мою сестрёнку Раю?
— Раисою зовут! —
Сказала Глебу Алла.
Мальчишка приуныл:
— А как ты отгадала?

ЖУРНАЛ ИЗДАЁТСЯ С МАЯ 1924 ГОДА

Главный редактор
В. МАТВЕЕВ

Редколлегия:
З. Александрова,
С. Алексеев,
А. Барто,
А. Ермолаев,
Н. Емельянова,
Е. Ершова (зам. главного редактора),
Ю. Казаков,
М. Коршунов,
А. Митяев,
Ю. Молоканов,
К. Орлова (ответственный секретарь),
Е. Рачёв,
Н. Чеснокова,
В. Чижиков

Художественный редактор
Г. Макавеева

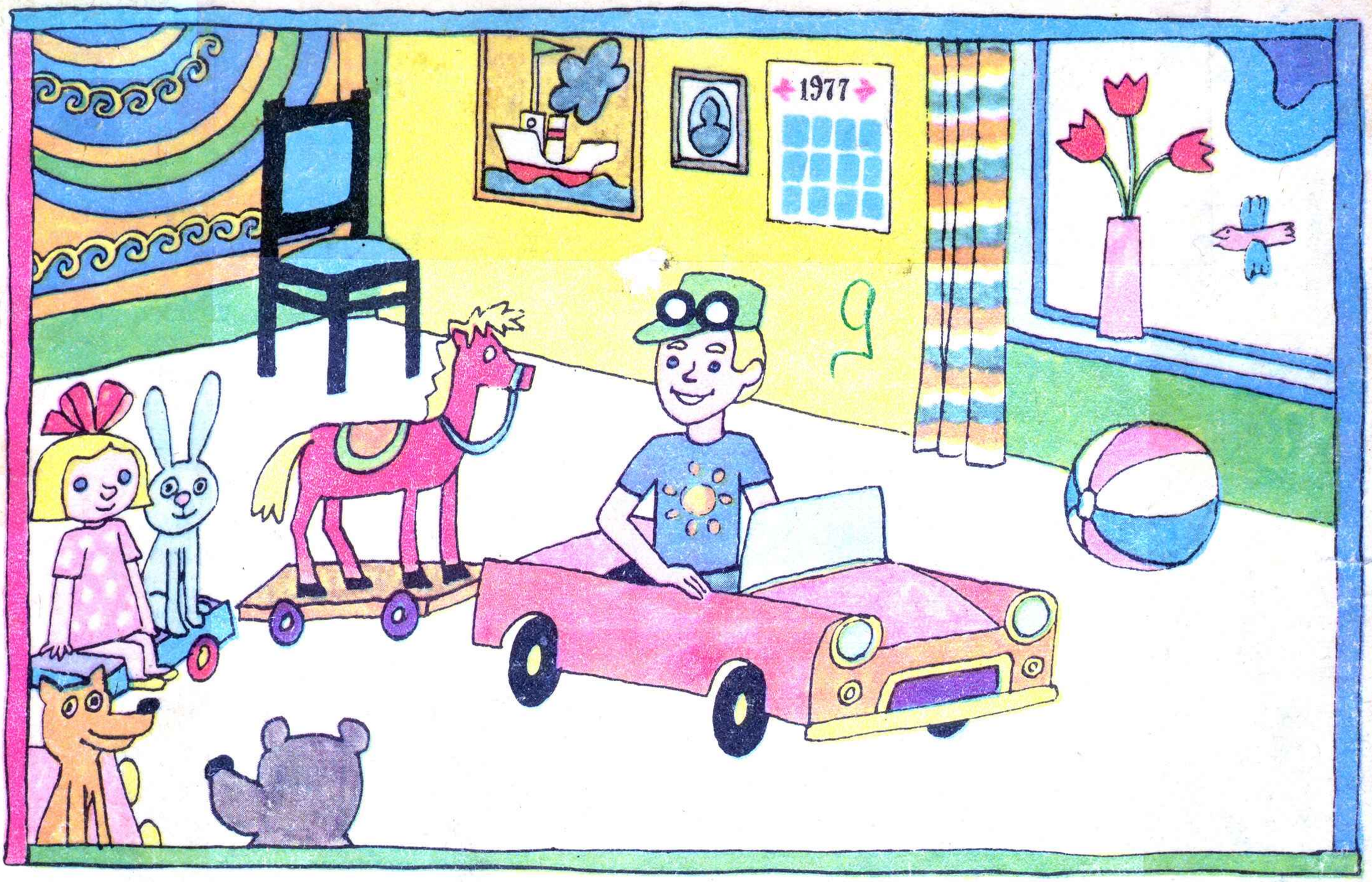
Технический редактор
Л. Петрова

Сдано в набор 14/XII 1976 г.
Подписано к печати 6/I 1977 г.
Формат 84×108 1/16.
Печ. л. 2 (усл. 3,36).
Уч.-изд. л. 4.
Тираж 5 800 000 экз.
Цена 10 коп.
Заказ 2130.

Адрес редакции журнала «Мурзилка», ордена Трудового Красного Знамени издательства и типографии ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»: 103030, Москва, К-30, ГСП-4, Сущёвская, 21.
Телефон 250-45-08.

Рисунок на обложке И. КАБАКОВА

Цена 10 коп. Индекс 70553



В этих рисунках семь одинаковых деталей. Найди их.

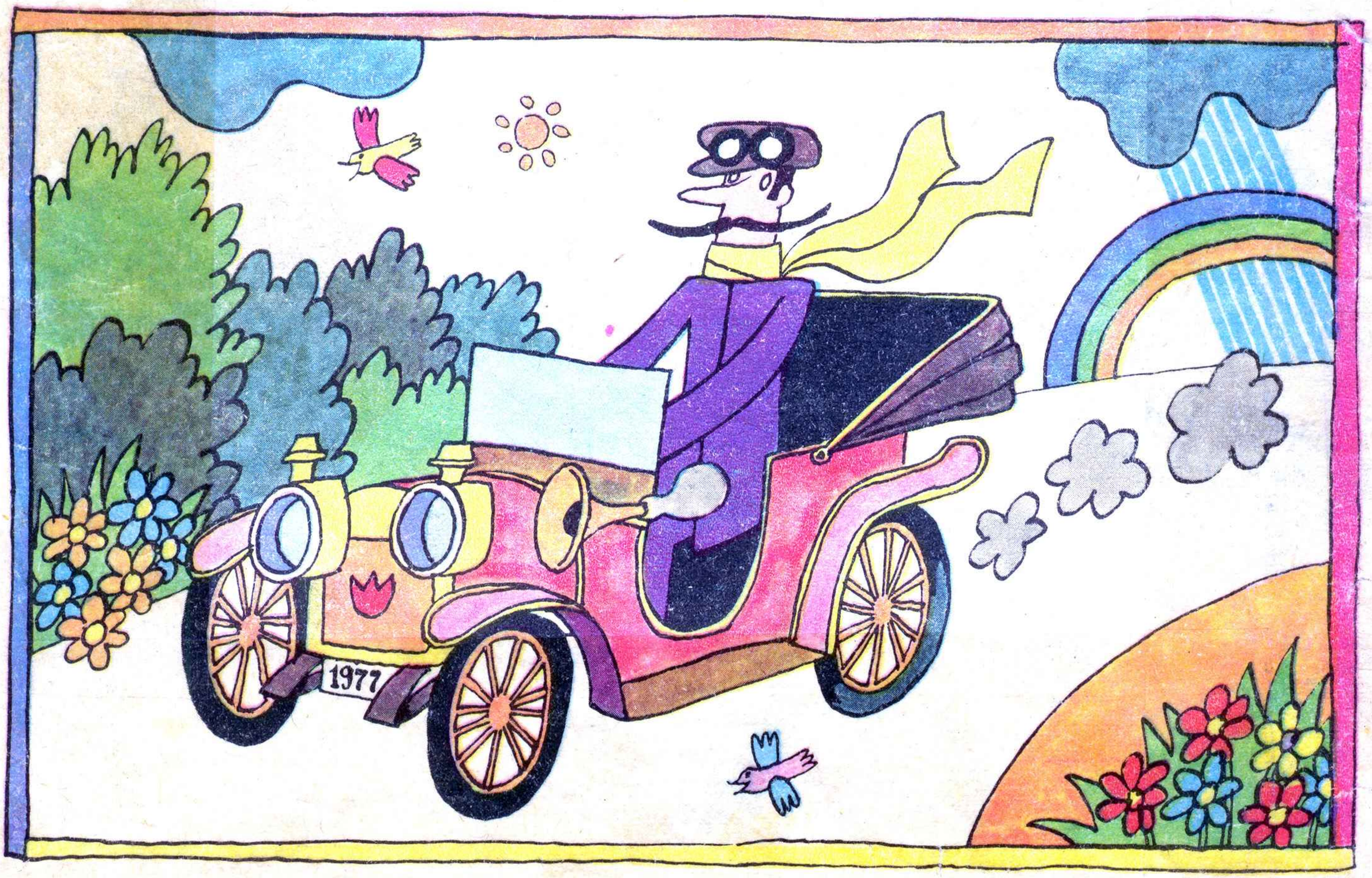



Рис. А. СЕМЁНОВА